

ДО 200-РІЧЧЯ ВІД ДНЯ НАРОДЖЕННЯ Ф. М. ДОСТОЄВСЬКОГО

DOI: 10.18524/2307–4558.2021.36.249718

УДК 811.161.1'1:821.161.1–84.09Достоевский

ДЯДЕЧКО Людмила Петровна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Учебно-научного института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; бульвар Шевченко, 14, г. Киев, 01033, Украина; тел.: +38(044)2392430; e-mail: eptonim@ukr.net; ORCID ID: 0000–0002–7638–7163

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОРЕОЛ КРАСОТЫ, КОТОРАЯ СПАСЁТ МИР

Аннотация. *Цель* статьи — определить лингвистический статус оборота *Красота спасёт мир* и степень закреплённости за ним авторства Ф. Достоевского в русском языке. *Объект* анализа — прототипы крылатого выражения *Красота спасёт мир* и его функционирование в художественных и публицистических текстах. *Предмет* исследования — структурно-семантические особенности оборота и их эволюция в процессе его эптонимизации. В работе использованы исторический и описательный *методы*, источниковедческий и контекстуальный анализ, методы анкетирования и двойной аппликации. *Результаты* исследования — выявленные признаки эптонимизации выражения *Красота спасёт мир*. На широком лингвоисторическом фоне показаны формирование компонентного состава и структуры оборота *Красота спасёт мир* и его дальнейшая судьба в языке. *Выводы.* Между афоризмом, восходящим к роману «Идиот», и его прототипами обнаруживается лишь смысловое сходство, что доказывает авторство Достоевского. В основу семантики оборота, функционирующего в современных контекстах в качестве эптонима, лежит стереотипическое представление о тексте романа «Идиот», которое сложилось в русской лингвокультуре. У афоризма развилось два значения: одно связано с трактовкой понятия красоты как духовной сущности, другое — с чисто внешними её проявлениями. Лингвистический статус анализируемой фразы подтверждён также многочисленными трансформациями в речи и её большими фразообразовательными возможностями. На базе афоризма Достоевского появился другой — переработка выражения художником Н. Рерихом. *Практическое применение* результатов исследования возможно в решении вопроса по усилению суггестивного потенциала речи; в создании авторских и общезыковых словарей эптонимов, цитат, афоризмов; в учебно-педагогической практике, а также в фундаментальных исследованиях эволюции фразеологической системы языка.

Ключевые слова: эптоним, крылатое выражение, афоризм, Ф. Достоевский, роман «Идиот».

Постановка проблемы. В широко понимаемой фразеологии весьма скромное место занимают публикации по крылатым выражениям, интерпретация которых всё ещё носит размытый, диффузный характер. Такой подход доминирует в настоящее время, что обусловлено интересом в бурно развивающейся лингвокультурологии к прецедентным феноменам разного типа, практически не дифференцируемым учёными, которые рассматривают крылатые выражения наряду с пословицами и не получившими закрепления в языке цитатами, прямыми и косвенными, точными и аллюзивными. Поэтому и сегодня актуально чёткое разграничение крылатых выражений в широком смысле и эптонимов (начальная часть — от гомеровского *ερεα πτεροεντα*) — единиц со сформировавшейся структурой и значением. Актуальным является и выяснение роли той или иной культурно значимой личности, в частности Ф. Достоевского, в обогащении эптонимического фонда русского языка.

Анализ последних исследований и публикаций. Если оставить в стороне многогранные эстетико-искусствоведческие исследования понятия красоты, интерпретация которого лишь намечена в той степени, в какой она важна для формирования содержательной стороны знаменитого высказывания *Красота спасёт мир*, эта крылатая фраза до недавнего времени интересовала только литературоведов как свидетельство влияния Ф. Шиллера на Ф. Достоевского [1, с. 139; 5, с. 215]. Такая оценка привела к тому, что в литературе нередко искажается её первоисточник.

В лексикографии выражение было впервые зафиксировано недавно [2, с. 161–162], несмотря на то, что, по данным [4], более ста лет используется в качестве крылатого. Примечательно в этом отношении описание его включения в речь М. Арцыбашевым: — *Что даёт жизнь, так это — прекрасная женщина! А женщина больших городов, ах, если бы вы их видели!.. А знаете, я убеждён, что если что когда-либо спасёт мир, то это красота! — неожиданно, но считая это очень уместным, понятным и остроумным прибавил Волошин* («Санин», 1907 г.).

Историко-лингвистическое осмысление культовой фразы становится возможным благодаря созданию теории крылатых слов и выражений в их узком смысле [3; 7].

Постановка задач. Показать, каковы истоки фразы *Красота спасёт мир*, как она входила в русское лингвокультурное пространство, определить её лингвистический статус и то, кому принадле-

жит «печать» её авторства в оценке русскоязычного социума, — такова основная цель статьи. Для её реализации ключевым является метод двойной аппликации [3, с. 145–146], позволяющий на первом этапе выявить структурно-семантические параметры эпитона, на втором — особенности его преобразований в речи.

Изложение основного материала. Возникновение афоризма *Красота спасёт мир* и его закрепление в русской речи таят в себе несколько загадок и противоречий.

В первую очередь, как это ни странно для читателя, особенно массового, следует закрепить авторство фразы, которая сейчас всё настойчивее приписывается Ф. Шиллеру. Отсылка к нему время от времени встречается в так называемых толстых журналах, откуда, по-видимому, она, воспринятая буквально, и перекочевала на страницы других изданий. Но там, в публикациях для посвящённых, специально не уточняется, что речь идёт не о прямой цитате, а о реминисценции. В этом несложно убедиться, ознакомившись с отрывком одного из «Писем об эстетическом воспитании». Обращаясь к частному лицу, Ф. Шиллер пишет: «...вы согласны со мной и убедились из содержания предшествующих писем, что человек может удалиться от своего назначения двумя противоположными путями, что наш век, действительно, пошёл по двум ложным путям и стал здесь жертвою грубости, там — изнеженности и извращённости. Красота должна вывести людей на истинный путь из этого двойного хаоса» [6, с. 279].

Квинтэссенция учения, заключённая в последнем предложении, стала откровением для Ф. Достоевского, увлечёвшегося шиллеровской поэзией ещё в юности, что отразилось на его творчестве в нередких перекичках с великими идеями немецкого писателя, но не в копировании их. Как всякий истинный художник, Ф. Достоевский пропустил через себя и эту идею, и в результате родилась окрашенная его авторским «я» максима, не совпадающая с первоначальным утверждением ни формально, отличаясь крайней лапидарностью, ни содержательно. Последнее подчеркивал Н. Н. Вильмонт, поясняя принципиальное различие двух подходов: «Он <Достоевский>, конечно, понимал, и в этом был верен духу Шиллера, что здесь речь идет о водворении в людские души — под облагораживающим воздействием красоты — утраченной гармонии, тем самым и гармонических общественных отношений, сиречь о новом «золотом веке». Но прямой контекст, в котором об этом говорится у Шиллера, и притом контекст значительного социально-исторического содержания, а именно его мысль о *восстановлении* красотой (воздействием искусства, «эстетическим воспитанием») былой человеческой «целостности», утраченной людьми вследствие всё возрастающей роли *разделения труда и специализации*, что и разрушает целостную личность, — этот столь характерный для Шиллера (и для Гёте) социальный и одновременно культурфилософский мотив оставлен Достоевским без внимания» [1, с. 139].

Как кажется, приведённые аргументы в защиту «авторских прав» русского писателя в отношении крылатой фразы опровергнуть невозможно. Симптоматично, что уже первые цитаторы (Вл. Соловьев в конце XIX века, С. Н. Булгаков, В. И. Иванов, Е. Н. Трубецкой, О. Меньшиков в 10-е гг. XX века — см. [4]) ссылаются именно на Достоевского.

Что касается словесного воплощения идеи, то здесь кроется ещё одно распространённое заблуждение. Если быть предельно точным, то фразы *Красота спасёт мир* у Ф. Достоевского нет. В романе «Идиот» она выступает один раз как часть вопросительного предложения («Какая красота спасёт мир?») и трижды — как часть придаточного, причём с инверсивным порядком слов («...мир спасёт красота»). Данное уточнение, однако, не лишает общеизвестный вариант авторства, если иметь в виду не цитату, которая, как известно, должна воспроизводить чужие слова без каких бы то ни было отступлений, а крылатое выражение, или — уже — эпитоним. Формальное преобразование прототипов — текстовых фрагментов первоисточника — закономерно при их освоении, когда они, развивая обобщённое значение, входят во фразеологический фонд языка [3, с. 257–258]. Такое выражение приобретает соавтора в лице главного творца языка — народа, когда он, храня память о создателе фразы и апеллируя к его авторитету, не замечает собственного вмешательства во фразообразовательный процесс.

Понимая важность первоисточника для формирования значения и функционирования в речи выражения с «печатью авторства», составители словарей крылатых слов включают в статьи прототип описываемой единицы. Для демонстрации прототипа знаменитого афоризма приводится следующий отрывок из романа «Идиот»: «Правда, князь, что вы раз говорили, что **мир спасёт «красота»**? Господа, — закричал он <Ипполит> громко всем, — князь утверждает, что **мир спасёт красота!** А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблён. <...> **Какая красота спасёт мир?** Мне это Коля пересказал. Вы ревностный христианин? Коля говорит, что вы сами себя называете христианином» (ч. III, гл. V).

В этом фрагменте новая загадка, которую предложил читателю сам писатель. Судя по словам Ипполита Терентьева, получается, что спасительную для цивилизации мысль князь Мышкин подал раньше, т. е. для тех, кто знакомится с текстом, — в первой половине романа, где она, однако, не обнаруживается. Литературоведам решать, что в этом следует усматривать — неувязку или художественный приём. В лингвистическом аспекте определяющим является то, что коллективная память связывает крылатую фразу с одной и той же сценой, сравн.: 10 анкетированных из 12 тех, кто указал точное авторство (всего было опрошено 63 человека), соотнесли оборот именно с ней. И Н. Н. Виль-

монт пишет: «У Достоевского же князь Мышкин обронил своё «мир спасёт красота» под впечатлением портрета Настасьи Филипповны» [1, с. 130]. Это соответствует духу романа, но не букве, подтверждая ещё раз, что становление крылатого оборота осуществляется по собственным законам, когда он отрывается от источника, полностью переосмысливаясь, и когда в основу, фактически, кладется не сам текст, а стереотипическое представление о нём, сложившееся в данной культуре.

В действительности сцена у портрета в романе «Идиот» сопровождается иным афоризмом: «Этакая сила! <...> Такая красота — сила, — горячо говорила Аделаида, — с этакою красотой можно мир перевернуть!» (ч. I, гл. VII).

В словах дочери генерала Епанчина слышится отголосок пушкинской поэзии (сравн. в стихотворении лицейского периода «К молодой актрисе»: «Велико дело красота»). Кстати сказать, эта формулировка Ф. Достоевского *Красота — сила* была тоже подхвачена и преобразована в поэтическую строку С. Надсоном в стихотворении «Дурнушка» (1883 г.):

Острою мыслью и чуткой душой
Щедро дурнушку она <судьба> наградила, —
Не наделила одним — красотой!..
Ах, красота — это страшная сила...

И уже повторенная Ф. Раневской, исполнявшей эпизодическую роль в кинокомедии «Весна», надсоновская фраза получила поистине всенародную популярность, стала крылатой. Сейчас она широко используется в печати в качестве заголовка публикаций о конкурсах красоты и обычно в устной речи — для характеристики человека (чаще женщины), умеющего с помощью внешней привлекательности добиваться своего.

Важна реплика Аделаиды и для развития философской мысли романа «Идиот», как бы подготавливающая читателя к восприятию идеи о спасении человечества: красота — это сила, которая способна менять мир, поэтому с помощью красоты можно и уберечь его. (Примечательно, что Н. А. Бердяев в работе «Смысл творчества» объединил оба афоризма: «...красота есть великая *сила*, и она мир спасёт» [4]).

То, что это должна быть внутренняя красота, совершенно очевидно из действительно вошедших в повествовательное полотно романа размышлений князя Мышкина о портрете Настасьи Филипповны: «Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щёк и горевших глаз; странная красота!». И далее на вопрос генеральши, какую красоту ценит князь, он уже вслух произнёс: «В этом лице... страдания много...» (ч. I, гл. VII).

Такое понимание красоты, однако, редко лежит в основе использования крылатого выражения *Красота спасёт мир* (в том числе с изменениями структуры), сравн.:

Ты говорил, томимый нашей жаждой,
Что *мир спасётся красотой*, что каждый
За всех, во всём, пред всеми виноват (М. Волошин. Трихины);

Александр Жовна ... считает, что именно тоска, а не красота спасёт мир, и если выбирать между чувством радости и печали, нужно отдать преимущество грустному, потому что радость душу не тревожит... (День, 23.03.2006).

Слово *красота*, выступающее составной частью крылатой фразы, чаще истолковывается более обобщённо — как гармония в человеческих отношениях, в природе, противостоящая губительному злу: *Теперь об искусстве. Известная точка зрения — красота спасёт мир. П. В. Симонов писал: «Носителем духовности — правды и добра — служит искусство»* (Я. М. Чайлахян. Истоки альтруизма); *Солдаты, скорее всего, не знали про то, что красота спасёт мир, но что такое красота, оба они, в общем, знали. Среди гор они чувствовали красоту (красоту местности) слишком хорошо* (В. Маканин. Кавказский пленный).

Связывание красоты с гармонией проистекает из научной трактовки эстетического термина, но оно поддержано и теми контекстами в романе, которые передают размышления князя Мышкина над «высочайшими минутами» перед приступом. И далее в пояснениях автора: «В том же, что это действительно «красота и молитва», что это действительно «высший синтез жизни», в этом он сомневаться не мог, да и сомнений не мог допустить» (ч. II, гл. V). Закономерно поэтому, что В. С. Соловьёв в речи в память Достоевского, произнесенной 1 февраля 1882 года, настаивал: «В своих убеждениях он никогда не отделял истину от добра и красоты... Открывшаяся в Христе бесконечность человеческой души, способной вместить в себя всю бесконечность божества, — эта идея есть вместе и величайшее добро, и высочайшая истина, и совершеннейшая красота» [4].

Если сравнить данное понимание красоты с тем, которое закреплено русским языковым сознанием в эпитониме, то очевидно, что во втором случае у слова *красота* набор семантических признаков минимален, в объём понятия не входит всё то, что связано с горним, божественным. В целом же красота в приведённых примерах носителями языка воспринимается вслед за Ф. Достоевским скорее как этическая категория.

На таком понимании с привнесением деятельностного начала основано преобразованное Н. Рерихом выражение: «Неверно сказать: «Красота спасёт мир», правильнее сказать: «Сознание красоты спасёт мир»» («Община», 3.027).

Высказывание Н. Рериха вошло в речевой обиход в качестве популярной цитаты с прямой или косвенной ссылкой на «чужое слово». Рериховское утверждение выносятся в заголовок фотовыставки, фестивалей искусств и под. (см. также название книги Р. Рудзитиса «Сознание красоты спасёт»), с её помощью разъясняют положения теософских, эзотерических учений: *Мы привыкли воспринимать красоту как нечто внешнее, нечто причудливое и даже излишнее. Но на самом деле красота целительна. Вечная формула — «Сознание красоты спасёт мир». Для того, чтобы исцелиться, необходимо вынашивать осознание красоты* (К. Сельчёнок. Древняя медицина будущего).

Надо, однако, признать, что широчайшее распространение получил афоризм Ф. Достоевского в другом своём значении, когда толкование слова *красота*, фактически, противоположно авторскому замыслу. В этом случае, как в обычных названиях всевозможных фоторепортажей и конкурсов красоты, речь идёт о милевидности, о внешней, а не о внутренней красоте.

Свободное обращение с исходной формулировкой привело к многочисленным трансформациям, обусловленным актуальной ситуацией, отражённой в публикации. По «ошеломляющим» открытиям современных журналистов, не только красота поможет миру избежать гибели, но практически всё, что привлекло их внимание — начиная от весьма прозаических вещей или конкретного человека, образ которого весьма далек от массового представления о том, каким должен быть мессия, и заканчивая высокими категориями, достижениями науки. Вот небольшой перечень наших «спасителей»: *крыса та* (символ 2008 года), *Боб Дилан, Гайтана, шляпки Ф. Трейси, ФСБ, наивность, полнота* и даже ... *грех*. Этому списку противопоставлены *уникальное топливо, музыка, правда, любовь, доброта*.

Одна из анонимных трансформаций, которая опровергает великую идею из романа «Идиот», получила в языке права гражданства, стала самостоятельной единицей, сравн.: **КРАСОТА ПОГУБИТ МИР**. ...известный художник-перформер Улай, привезший в Екатеринбург свою выставку, делился с нами похожими мыслями. Он говорил о том, что мир свихнулся на красоте (я своими словами пересказываю). Реклама, мода, косметические компании апеллируют к искусству, используют его идеи, обесценивая тем самым его суть. Посмотрите, всё вокруг очень красиво, но красота эта искусственная, а люди все менее чувствительны к чему-то настоящему. Вот почему Улай без усталости повторяет свой манифест: «Эстетика минус этика получается косметика» (Кинокритик: Афиша: Екатеринбург Он-Лайн, 22.05.2007); *Алексеев заставил всех ... влюбляя гордую, прекрасную полячку ... роскошную женщину неземной красоты, источник всех бед и зол со времени сотворения мира (о женщины! ваша красота погубит мир!), встать и безропотно ... перемотаться, пока он, гордый рос, развязно продолжал обжираловку* (Е. Фёдоров. Одиссея); **КРАСОТА ПОГУБИТ МИР**. Ученые доказали: человек — существо завистливое и мстительное. Зависть способна отравить душу, ведёт человечество к закату. Вот бы задать Федору Михайловичу конструктивный вопрос: **КАК красота спасёт мир**, если она является едва ли не основным возбудителем зависти? (Аспекты 2000, 23.04.2004).

Поставленный в последнем примере вопрос журналиста волновал и самого Достоевского, вложившего в романе «Братья Карамазовы» в уста Мити Карамазова свою тревогу из-за того, что красота выступает не только как созидательная, но и как разрушительная сила: «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, и определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Иной высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским» (ч. III, гл. III).

Оптимистические настроения в обществе, безусловно, преобладают, что отражается на явно преобладающей степени популярности базового оборота *Красота спасёт мир*.

Выводы. Итак, эти слегка изменённые слова князя Мышкина из романа «Идиот», известные читателю в пересказе Ипполита Терентьева, имеют сложные, многомерные связи в русском лингвокультурном пространстве, объясняющие диалектику становления и последующего развития крылатого афоризма с авторством Достоевского. Неслучайно фраза развила два значения, каждое из которых размещено на своей собственной прототипической и филиационной плоскости.

Первое значение выражения с трактовкой слова *красота* в основном на внутреннем уровне, в этическом ключе аллюзивно связано с Шиллером. Это значение легло в основу рериховского высказывания *Сознание красоты спасёт мир*, закрепившегося в обиходе в качестве популярной цитаты.

Второе значение, базирующееся на понимании красоты в эстетическом, внешнем плане, сопряжено с развитием в том же романе «Идиот» тезиса художницы-любительницы Аделаиды о силе красоты, перекликающегося с пушкинской строкой (что, кстати сказать, подтверждает глубинные русские корни максимы Достоевского). Такое понимание отражено и в появившемся в результате трансформации антонимическом обороте *Красота погубит мир*, обращающемся на правах пословицы. Параллельно функционирует и давшая толчок к обогащению семантики исходного оборота формулировка Аделаиды, несколько изменённая, отточенная вначале в поэзии С. Надсоном, а затем растиражированная кинематографом и навсегда уже вошедшая в язык как реплика актрисы Ф. Раневской *Красота — это страшная сила!*

Несмотря на разницу в активности использования афоризма Ф. Достоевского в первом и втором значении, позитивный оценочный потенциал высказывания несомненен в обоих случаях.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы связаны с уяснением особенностей фразеологизации авторских оборотов и роли стереотипов в этом процессе, в фиксации фразеобразовательных потенций афоризма Ф. Достоевского в словарях динамического типа.

Литература

1. Вильмонт Н. Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. Москва : Советский писатель, 1984. 279 с.
2. Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова — крилаті слова (материалы для словаря). Київ : Комп'ютерпрес, 2001. Ч. 2. 199 с.
3. Дядечко Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев: ИПЦ «Київський університет», 2002. 294 с.
4. Национальный корпус русского языка : URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. Дата обращения: 01.11.2021.
5. Парамонов Б. Египтянин Набоков. *Звезда*. 1999. № 4. С. 214–218.
6. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека / перевод Э. Радлов. *Собрание сочинений : в 7 т.* Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 6. С. 251–357.
7. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. Челябинск : Факел, 1995. 223 с.

References

1. Vil'mont, N. (1984), *Dostoevsky and Schiller: Notes of Russian germanist [Dostoevskiy i Shiller : Zametki russkogo germanista]*, Sovetskiy pisatel', Moscow, 279 p.
2. Dyadechko, L. P. (2002), *Winged words as an object of linguistic description: history and modernity [Krylatye slova kak ob'ekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost']*, Taras Shevchenko Kyiv National University Publishing house, Kyiv, 294 p.
3. Dyadechko, L. P. (2003), *The New in Russian and Ukrainian speech: Winged words (materials for the dictionary) [Novoe v russkoy i ukrainskoy rechi: Krylatye slova — krylati slova (materialy dlya slovary)]*, Komp'yuterpres, Kyiv, t. 4, 212 p.
4. *The Russian National Corpus [Natsional'nyy korpus russkogo yazyka]*, available at : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>.
5. Paramonov, B. (1999), “Egyptian Nabokov”, *Zvezda* [“Egiptyanin Nabokov”, *Zvezda*], Moscow, No 4, pp. 214–218.
6. Shiller, F. (1957), “Letters about aesthetic education of man” / were translated by E. Radlov. *Collected works : In 7 v.* [“Pis'ma ob jesteticheskom vospitanii cheloveka” / per. E. Radlov. *Sobranie sochinenij : V 7 t.*], Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, Moscow, v. 6, pp. 251–357.
7. Shulezhkova, S. G. (1995), *Winged expressions of Russian, their sources and development [Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitie]*, Fasel, Chelyabinsk, 223 p.

ДЯДЕЧКО Людмила Петрівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри російської філології Навчально-наукового інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка; бульвар Шевченка, 14, м. Київ, 01033, Україна; тел.: +38(044)2392430; e-mail: epotonim@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-7638-7163

ЛІНГВІСТИЧНИЙ ОРЕОЛ КРАСИ, ЯКА ВРЯТУЄ СВІТ

Анотація. Мета статті — визначити лінгвістичний статус вислову *Краса врятує світ* і ступінь закріпленої за ним авторства Ф. Достоевського в російській мові. **Об'єкт** аналізу — прототипи крилатого висловлювання *Краса врятує світ* і його функціонування в художніх і публіцистичних текстах. **Предмет** дослідження — структурно-семантичні особливості звороту і їх еволюція в процесі його ептонімізації. У роботі використані історичний та описовий методи, джерелознавчий і контекстуальний аналіз, методи анкетування і подвійної аплікації. **Результати** дослідження — виявлені ознаки ептонімізації вираження *Краса врятує світ*. На широкому лінгвістичному тлі показане формування компонентного складу і структури вислову *Краса врятує світ*, а також його подальша доля в мові. **Висновки.** Між афоризмом, який походить з роману «Ідіот», і його прототипами, виявляється лише смислова схожість, що доводить авторство Достоевського. В основу семантики звороту, що функціонує в сучасних контекстах як усталена одиниця, лежить стереотипне уявлення про текст роману «Ідіот», яке склалося в російській лінгвокультурі. Афоризм розвинув два значення: одне пов'язане з трактуванням поняття краси як духовної категорії, інше — з чисто зовнішніми її проявами. Лінгвістичний статус аналізованої фрази підтверджений також численними трансформаціями в мові та її великими фразотворчими можливостями. На базі афоризму Достоевського з'явився ще один — переробка вислову художником М. Реріхом. **Практичне застосування результатів** дослідження можливе у вирішенні питання з посилення сугестивного потенціалу мовлення; у створенні авторських і загальнонових словників ептонімів, цитат, афоризмів; у навчально-педагогічній практиці, а також у фундаментальних дослідженнях еволюції фразеологічної системи мови.

Ключові слова: ептонім, крилатий вислів, афоризм, Ф. Достоевський, роман «Ідіот».

Liudmyla P. Diadechko,

Grand Ph.D. in Philological Sciences, professor of the Russian Philology department of the Educational and Research Institute of Kyiv National Taras Shevchenko University; 14, Shevchenko blvd., Kyiv, 01033, Ukraine;
e-mail: eptonim@ukr.net; tel.: +38(044)2392430; ORCID ID: 0000-0002-7638-7163

LINGUISTIC HALO OF BEAUTY THAT WILL SAVE THE WORLD

Summary. The *purpose* of the article is to determine the linguistic status of the expression *Beauty will save the world* and the degree of its attribution to F. Dostoyevsky in Russian. The *object* of the analysis is the prototypes of the winged expression *Beauty will save the world* and the way the expression functions in fiction and journalistic texts. The *subject* matter of the study is structural and semantic peculiarities of the expression and their evolution in the process of its eponymization. The paper employs the *methods* of source studies and contextual analysis, historical and descriptive methods, the method of questionnaire and double applique. *The results* of the research prove that the expression *Beauty will save the world* shows signs of eponymization. The study gives a wide linguistic and historical background to the constituents and structure of the expression *Beauty will save the world* and its fate in the language. **Conclusions.** There is only semantic similarity between the aphoristic expression originating from the novel *The Idiot* and its prototypes, which proves the authorship of the expression attributed to Dostoyevsky. The stereotypical idea of the text of the novel *The Idiot*, which has become part of the Russian linguaculture, underlies the semantics of the expression functioning in contemporary contexts as an eponym. The aphoristic expression has developed two meanings: one linked to the interpretation of beauty as a spiritual matter, the other related to its outer manifestations. The linguistic status of the expression is proven by its multiple modifications in speech and its phrase-formation capacity. Another expression has originated from it; an expression modified by the artist N. Roerich. **Practical value** of the findings is their application in strengthening the suggestive potential of speech; compiling general and special dictionaries of eponyms, quotations, aphoristic expressions; for educational purposes, as well as for fundamental research of the evolution of phraseological language system.

Key words: eponym, winged expression, aphoristic expression, F. Dostoyevsky, novel *The Idiot*.

Статтю отримано 15.11.2021 р.